

На следующее утро Гарри осторожно вернулся в больничное крыло. Он едва сомкнул глаз; вместо этого он просидел без сна большую часть ночи и изо всех сил старался примириться со всем, что произошло накануне. Очевидно, катастрофические новости о Гермионе преобладали в его мыслях, но его также преследовали видения Фреда, Ремуса, Тонкс и всех остальных, которые принесли высшую жертву, чтобы победить Волдеморта. Он тоже боролся со своей собственной «смертью» и прекрасно понимал, что ему все еще придется столкнуться с вопросами по этому поводу от двух его ближайших друзей. До сих пор он никому не рассказывал о том, что произошло в лесу, и у него возникло робкое подозрение, что в какой-то момент в не столь отдаленном будущем его ждет расплата.

Был также факт, что он убил человека. Несмотря на то, что это был Волдеморт, он все еще чувствовал себя неловко при мысли о лишении жизни.

Он решил остаться в классе, лег на пол и попытался заснуть. Он чувствовал, что не в состоянии больше выносить поздравления или допросы, и поэтому решил держаться подальше от гостиной Гриффиндора — по крайней мере, на данный момент. Ему и в голову не приходило, что его отсутствие будет замечено, и вскоре его одиночество было прервано открывающейся дверью класса.

Это была профессор МакГонагалл, и она не выглядела слишком довольной.

— Что ты делаешь, Гарри? Что ты здесь делаешь? Тебя ищет вся школа!

Он долго не мог ответить. «Извините, профессор. Я просто не могу противостоять всему вниманию в эту минуту. Я просто хотел немного побыть один. Вы можете это понять?

Удивительно, но выражение ее лица смягчилось. `Да, Гарри. Я могу понять, что. Но ты не можешь оставаться здесь.

Он поднял бровь. `Почему бы и нет? Это так же хорошо, как и везде. Вы знаете, что я в порядке; вы могли бы передать слово.

Она строго посмотрела на него, но наконец мягко улыбнулась. `Очень хорошо, Гарри. Я сообщу остальным, что вы вполне здоровы и сами приняли меры. Но я хочу, чтобы вы знали, что моя дверь открыта, если вы хотите с кем-нибудь поговорить.

Он улыбнулся в знак признательности и наблюдал, как она повернулась и вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь.

Это было более восьми часов назад, и теперь, когда он осторожно открыл дверь в больничное крыло, он понял, что не спал нормально уже несколько дней. Мне нужно что-то с этим делать.

Сцена, которая встретила его при входе в лазарет, резко контрастировала с действиями

предыдущей ночи. Никто не шевельнулся, и было очевидно, что Поппи оказала помощь всем раненым и что она выпила не только несколько снотворных препаратов. На каждой кровати лежало дремлющее тело кого-то, раненого в битве, и он с особой осторожностью молча пробирался на цыпочках к кровати Гермионы. Он медленно задернул шторы и с удивлением увидел, что и Рон, и Гермиона не спят. Они сидели в дружеской тишине, их пальцы переплелись, и Гарри почувствовал внезапный прилив любви к ним обоим, когда понял, что они решили некоторые проблемы предыдущего дня.

— Доброе утро, — прошептал он им и широко улыбнулся, когда они оба ожили и отпустили друг друга, как будто их поймали за чем-то незаконным. Он взглянул на Гермиону и тоже увидел выражение веселья на ее лице, когда она осознала абсурдность ситуации, и его чувство привязанности возросло.

— Доброе утро, Гарри, — мягко ответила она. Ее глаза окинули его взглядом, и она увидела, что он плохо спал. Он выглядел ужасно; под глазами у него были черные линии; лицо его было осунуто, и он выглядел белым, как мел. Даже его волосы были более непослушными, чем обычно, и ей пришлось бороться с внезапным желанием пригладить их рукой. `Как ты себя чувствуешь?' — наконец спросила она.

Гарри скривился и пожал плечами, как будто его самочувствие не имело значения, и Гермиона почувствовала внезапный прилив раздражения от его отношения. — Я надеялась, что ты заглянешь, — продолжила она. «Я надеялся, что у нас троих будет возможность обсудить то, что произошло вчера». Она пыталась говорить легким и воздушным тоном, но все трое заметили внезапную напряженность между ними. Гарри вздохнул и пододвинул стул, прежде чем сесть. Он вытащил свою палочку и быстро наложил на них заглушающие чары.

— Что вы хотели обсудить? — спросил он, словно надеясь, что это та самая погода, о которой хотела поговорить Гермиона.

Гермиона не торопилась, прежде чем ответить. — Что случилось вчера, Гарри? Я думал, ты умер.' Она на мгновение вздрогнула, прежде чем продолжить. `Почему ты пошел в лес?' В ее голосе было больше, чем намек на обвинение.

`Я должен был пойти.' Когда он ответил, он посмотрел на Рона и Гермиону и почувствовал их пристальный взгляд. Он выпрямил челюсть, прежде чем продолжить. «Помнишь, я воспользовался задумчивостью Дамблдора, чтобы увидеть память, которую дал мне Снейп?» И Гермиона, и Рон кивнули на вопрос, но не ответили.

«Ну, — продолжил Гарри, — из воспоминаний Снейпа я узнал, что я крестраж».

`ЧТО?' — вместе закричали Рон и Гермиона. Если бы не серьезность ситуации, Гарри бы расхохотался. Он не мог припомнить времени, когда двое его друзей были единомышленниками.

«Ты был хоркруксом?» — спросила Гермиона с явным недоверием в голосе.

«Конечно, был. Волдеморт не хотел, чтобы это произошло, но когда он попытался убить меня, когда я была младенцем, и заклинание дало обратный эффект, его душа раскололась, и осколок оказался внутри меня. Вот почему мой шрам болел; вот почему между нами была мысленная связь». Он выглядел мрачным. «Вот почему я могу говорить на парселтанге. Он только что убил моих родителей, так что критерии для создания хоркрукса соблюдены. Тем не менее; его нельзя было убить, пока фрагмент души внутри меня не был уничтожен».

«Как он был уничтожен?» — спросил Рон, и Гарри заметил, что Гермиона не выглядела слишком довольной тем, что он избил ее своим вопросом.

«Я должен был позволить ему убить меня». Он заметил, что обе пары глаз расширились при этом замечании, которое было столь пространно, прежде чем кто-либо из его друзей прервал его. «Вы видите; нас связывало нечто большее, чем хоркрукс. Ты помнишь, что Волдеморт использовал мою кровь, чтобы вернуть себе тело в ночь смерти Седрика?»

И Рон, и Гермиона кивнули.

«Ну, — продолжил Гарри, — используя мою кровь, Волдеморт также получил защиту моей мамы в своей крови. Так что была двойная связь. Он был привязан к Земле хоркруксом во мне, а я был привязан кровью моей матери в нем. Единственный способ разорвать связь — позволить ему поразить меня смертельным проклятием. Таким образом, связь будет разорвана, и Волдеморт снова станет смертным. Это тоже сработало.

Он с удивлением заметил, что Гермиона вздохнула с облегчением. Он вопросительно поднял бровь, и она, казалось, прочитала вопрос в его голове.

— Я был готов напасть на тебя, Гарри. Я рад, что мне это не нужно сейчас.

«Попробовать меня? Почему?»

«Потому что я думал, что ты сознательно пошел на смерть, не поговорив сначала со мной. Я ни на секунду не думал, что ты ответишь на требование Волан-де-Морта войти в лес, и был готов проклясть тебя за то, что ты такой чертовски глупый. Но ты все время знал о связи, так что, полагаю, это тебя снимет с крючка, — добавила она с улыбкой.

На несколько мгновений мир Гарри повис на краю пропасти, прежде чем он понял, что должен выбрать правильный, а не легкий путь.

«Я не знал о связи до тех пор, пока позже», сказал он тихо.

«После чего?» — спросила Гермиона.

«После того, как я умер».

Гермиона села в своей постели с выражением тревоги на лице. `Что вы имеете в виду; "после того, как я умер?"

Гарри закрыл глаза, думая, как лучше это объяснить. «Когда я шел в лес, я не знал о связи. Все, что я знал, это то, что я должен уничтожить хоркрукс в себе, и единственный способ сделать это — умереть. Поэтому я отправился к Волдеморту, чтобы он больше не напал на школу — моя жизнь уже была потеряна, так что я рассчитывал, что из этого выйдет что-то хорошее». Он поднял руку, чтобы Гермиона не перебила его. «Позвольте мне закончить; пожалуйста?» Он смотрел, как она откинулась назад, скрестив руки на груди, и увидел выражение ее лица, которое не предвещало ничего хорошего для его перспектив в ближайшие несколько минут.

«Я пошел в лес и столкнулся с Волдемортом. Я не поднял палочку; Я просто позволил ему проклясть меня. Он ударил меня Авада Кедавра . Опять таки.'

`Так что случилось?' — спросил Рон. — Если он... как... почему ты тогда не умер?

«Я не умер из-за связи. Я думаю, что действительно умер, но смог вернуться. После того, как меня поразило проклятие, я оказался в... ну; это трудно объяснить. Это было похоже на Кингс-Кросс, но это не так. Это было что-то между жизнью и смертью, если ты понимаешь, о чем я? Он мог сказать по их выражениям, что это не так, поэтому он продолжил. «Дамблдор был там».

`Дамблдор?' хором его друзья хором.

`Да; Дамблдор. Он мне все объяснил. Сказал мне, где я и почему я не совсем мертв. Он сказал мне, что хоркрукс во мне был уничтожен и что из-за крови моей матери в жилах Волдеморта у меня есть выбор.

«Какой выбор?» — спросила Гермиона с очевидной строгостью в голосе.

«Вернуться на Землю или идти дальше», — ответил Гарри. — Я вернулся сюда, — добавил он без необходимости. «Волдеmort думал, что я мертв, поэтому я подыгрывал, пока у меня не появился шанс нанести удар. Остальное вы знаете.

Ошеломленная тишина встретила конец рассказа, и Гарри посмотрел на своих двух друзей почти с чувством неповиновения. Он знал, что будет дальше, и не был разочарован, когда Гермиона наконец сорвалась.

— Как ты мог? — воскликнула Гермиона. «Как ты смеешь! Вы подошли к нему лицом к лицу, ожидая смерти? Ты даже не пришел попрощаться со мной! Нам!'

«У меня никогда не было времени. Кроме; ты бы попыталась отговорить меня от этого.

`КОНЕЧНО, Я БЫ ОТГОВОРИЛА ТЕБЯ ОТ ЭТОГО! Ради бога, Гарри! Как ты мог так поступить со мной?' Слезы текли по щекам Гермионы, когда она спросила об этом, но она проигнорировала их.

«Что делать?» ответил Гарри, его собственный гнев возрастал.

«Уйти на смерть, даже не поговорив со мной, вот что! Мы могли бы попробовать что-то еще; мы могли бы попытаться извлечь его сами.

— У нас никогда не было времени, Гермиона! Вы знаете это; Здесь у меня не было выбора. Вовсе нет! Волдеморт снова напал бы на замок. Я знал, что единственный способ уничтожить хоркрукс во мне — это умереть! Поэтому я решил убить двух зайцев одним выстрелом — уничтожить хоркрукс и не дать Волан-де-Морту напасть на школу. У меня не было выбора.

«Всегда есть выбор! Ты хоть представляешь, что я чувствовал, когда думал, что ты умер?

«Наверное, примерно так же, как я, когда узнал, что тебя укусил Сивый! Не смей возлагать на меня ответственность за это! У меня не было другого выбора. Я должен был уничтожить крестраж, и я должен был сделать это быстро. Это был единственный способ. Кроме; это сработало, не так ли?

«Дело не в этом».

`Это полностью точка! Если бы я знал, что ты будешь так себя вести, я бы сказал Дамблдору, что хочу продолжать! По крайней мере, если бы я остался мертвым, мне не грозила бы кровавая инквизиция!»

Гермиона побледнела от этого замечания, и ее глаза расширились от шока. Рон молчал, сбитый с толку тем поворотом событий, который поссорил двух его лучших друзей. Наконец Гермиона обрела голос.

— Как ты посмел, Гарри Поттер? После всего, через что мы прошли вместе. Мы боролись с вами и за вас. Мы были рядом с вами во всем. И ты уходишь умирать, даже не сказав нам? Мы должны были быть командой, Гарри. Я думал, мы будем принимать такие решения вместе.

— Ты хочешь сказать, что поддержал бы мое решение? Что ты позволил бы мне встретиться с ним лицом к лицу?

— Я бы сглазила тебя на месте и связала бы, чтобы ты не ушел, но не в этом дело, — ответила Гермиона. — Ты даже не спросил! Ты хоть представляешь, как это больно?

«Ты хоть представляешь, как больно было ходить пешком?» — язвительно спросил Гарри. «Ты думаешь, я хотел это сделать? Думаешь, я хотел оставить тебя и Рона? У меня не было выбора, Гермиона; разве ты не можешь этого понять?»

«Нет; Я не могу. Это опять твоя штука "спасать людей", Гарри? У вас есть потребность делать все самостоятельно?» Когда она говорила, ее голос повышался, ее гнев подпитывался страхом и памятью о том, что она чувствовала, когда думала, что он мертв. «После всего, через что мы прошли вместе, ты бросил нас и пошел на встречу с ним один. Неужели мы значили так мало, что ты был готов умереть, даже не попрощавшись? Мы пролили кровь за тебя, Гарри; это для тебя ничего не значит? Мы ничего для тебя не значим?»

Она знала, как только слова слетели с ее губ, что говорить было неправильно. Она не хотела, чтобы это вышло наружу — сочетание ее гнева и беспокойства за Гарри позволило ей выпалить такое замечание. Она поднесла левую руку ко рту и потянулась к нему правой, но знала, что ущерб нанесен. Гарри выглядел белым, как мел; его глаза были похожи на блюдца, когда он пошатнулся от ее слов, как будто его физически ударили. Он с ужасом смотрел на повязку на ее вытянутой руке, и она выругала себя, поняв, что теперь он будет винить себя в ее травме. Она снова потянулась к нему, когда он наконец отреагировал и повернулся, чтобы уйти.

«Гарри; Мне жаль!» — воскликнула она, но говорила только с белой занавеской, которая колыхалась там, где ушел Гарри Поттер.

Гермиона чувствовала себя ужасно. Она лежала в своей постели, наедине со своими мыслями, и позволила чувству вины захлестнуть ее. Она была в смятении, когда Гарри ушел, и примерно в тысячный раз с того момента она проклинала себя за свою бесчувственность. Она до сих пор не знала, что побудило ее так отреагировать. Интеллектуально она знала, что Гарри прав; у него не было выбора, и всем, чем он был готов пожертвовать ради них, было невозможно поверить.

Он был готов умереть за нас.

Он действительно умер за нас.

И именно поэтому она так плохо отреагировала. Она так заботилась о нем, что ее шок и страх перед тем, что могло случиться, вызвали ее гнев. Это была не вина Гарри, но она вела себя так, как если бы это было так, и теперь ей было стыдно за свое поведение — не в последнюю очередь потому, что она точно знала, что Гарри будет винить себя за ее нынешнее затруднительное положение. Она закрыла глаза и снова прокляла себя.

Она вдруг подняла глаза, когда занавеска была оторвана в сторону, и когда она увидела выражение лица Рона, она почувствовала, что ее надежды на быстрое примирение рухнули. Она попросила Рона пойти за Гарри, как только он уйдет, но это было почти час назад, и ей оставалось только гадать, что происходит. Она выжидающе посмотрела на Рона.

— Он ушел, — без предисловия сказал Рон.

Гермиона почувствовала, как будто в ее животе появился свинцовый груз. `Ушли? Куда ушел?

Рон пожал плечами и сел. `Понятия не имею. Я не успел его догнать. Его вообще никто не видел - он просто исчез. Он оставил это, — добавил Рон, протягивая ей конверт. «Это было на его кровати в общежитии».

Гермиона взяла протянутый пергамент и перевернула его, заметив собственное имя на обложке. С чувством беспокойства она разорвала его и начала читать.

Гермиона,

Мне жаль. Прости за все, что случилось. Я ненавижу ссориться с тобой, и тебе действительно не нужен дополнительный стресс прямо сейчас. Я мог бы уделить немного времени и себе — есть несколько вещей, с которыми мне нужно разобраться, а в Хогвартсе у меня нет ни минуты для себя. Мне нужно немного места и времени для себя, и я не найду его здесь, поэтому я ненадолго уйду.

Надеюсь, ты знаешь, что ты и Рон значат для меня больше, чем кто-либо другой в моей жизни. Мне только жаль, что я дал вам повод думать иначе.

Обещай мне, что позаботишься о себе. Я скоро вернусь , если ты все еще хочешь меня видеть. Мне просто нужно несколько дней наедине с собой.

Заботиться

Любовь

Гарри

Она закрыла глаза при этих словах и почувствовала, как снова наворачиваются слезы. Она увидела любопытство на лице Рона и безмолвно протянула ему записку. Когда он читал это, она ругала себя за то, что прогнала Гарри, и ей очень хотелось увидеть его прямо сейчас, чтобы сказать ему, как ей жаль. Это было не время для него, чтобы быть в одиночестве. После всего, через что он прошел, он нуждался в тех, кто заботился о нем рядом с ним.

Она закрыла лицо руками и почувствовала непреодолимое чувство потери. Она надеялась на его обещание вернуться и на чувства, выраженные в конце его письма, но она все еще чувствовала непреодолимое чувство вины за то, что сказала ему то, что у нее было. Она только надеялась, что, когда он вернется, они смогут наладить отношения между собой. Она подняла глаза, почувствовав руку Рона на своем плече, и выдавила дрожащую улыбку.

— Не беспокойся о нем, — прошептал Рон. `Он будет в порядке; он не оставит нас.

Она кивнула на эти слова и позволила себя утешить. Она только надеялась, что Рон знал, о чем говорит.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539855>